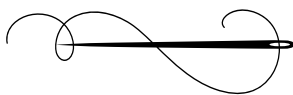

ДЖЕССИКА КУРИ

ВЕДЬМА ПУСТОШИ

INSPIRIA
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К93

© 2025 by Jessica Khoury
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Cover design by Logan Matthews
Cover illustration by Elena Masci

Иллюстрация на форзацах *Sonya Karpi*

Художественное оформление, макет *Екатерины Белобородовой*

Кури, Джессика.

К93 Ведьма пустоши / Джессика Кури ; [перевод с английского К. Усковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Inspiria Ромэн-тези. Код магии).

ISBN 978-5-04-233879-3

В Шотландии магия — это искусство: она рождается через вышивку и плетение сложных узоров. Мастера, называемые прядильщиками, используют жизненную силу растений и вплетают ее в свои творения, превращая нити в заклинания. Однако некоторые, чтобы стать вдвое могущественнее, прибегают к темной магии, черпая энергию из живых существ.

Прядильщица Роуз искусно владеет созданием заклинаний с помощью иглы и нити. Но за великую силу приходится платить: магия девушки угасает, медленно ее убивая. Когда-то давно Роуз заключила сделку с коварным фейри Лахланом, завязав узел и поклявшись своим сердцем. Пришло время исполнить договор, ведь отказ будет стоить прядильщице магии.

Роуз должна отыскать врата в Эльфхейм, проникнуть в мир фейри и похитить ветвь с Древа Двирра. Ее путь лежит через туманные шотландские пустоши, в поместье молодого лэрда Конрада. Шпионка Лахлана становится гвернанткой в особняке Конрада, чтобы отыскать порталы, скрытые древними заклинаниями. Но чем ближе Роуз к разгадке тайны, тем сильнее ее притягивает загадочный лэрд, который презирает магию.

Выбор кажется невозможным: исполнить сделку и обречь Конрада на гибель — или разорвать договор, лишившись магии и собственной жизни. Но в мире, где плетутся узоры судьбы, самое нерушимое заклинание сплетает любовь.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-233879-3

© Ускова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Для Трейсин,
которая вкладывает любовь в каждый стежок*

*И девы нежноликие спешат,
Заслышав рев трубы, как амазонки.
Они иглу сменили на копье,
Наперсток на железную перчатку
И нежность души на ярость боевую.*

Уильям Шекспир «Король Иоанн»

(Перевод Н. Рыковой)

Пролог

«*Чтобы изменить судьбу, порой достаточно одной лишь нити*» — так начиналась книга. Следующую фразу я прошептала вслух:

— «*Однако магия прядения не для слабых сердцем*».

От этих слов не было никакого толку. Это я и так знала. Мне не были нужны туманные предостережения — мне нужно было заклинание, и немедленно.

Я лихорадочно перелистывала страницы левой рукой, чувствуя, как сердце разрывается от ужаса. Правой же рукой я сматывала нить с деревянной катушки. Солнечный свет лился в окно библиотеки, поблескивая на осколках фарфора, разбросанных по ковру. Еще несколько минут назад эта ваза была любимицей тети Леноры. Некогда молочно-белая, украшенная нежными голубыми цветами, теперь она представляла собой лишь грудю острых, зазубренных черепков. А все из-за одного неловкого движения локтя и...

Сосредоточься, Роуз, приказала я себе мысленно. Что сделано, то сделано... если только не найти способ все исправить.

Я взглянула на маятниковые часы на камине.

Тетя Ленора могла вернуться в любую секунду.

— Мойры, прошу, помогите, — выдохнула я, чувствуя, как глаза застилает пелена слез. Есть ли богиням дело до ис-

пуганного восьмилетнего ребенка? Отвлекутся ли они хоть на миг от своего небесного станка, чтобы помочь мне?

Я в этом сомневалась. Я была сама по себе, как и все время со смерти бедного дяди Арти два года назад. И если я чему-то и научилась с тех пор, так это тому, что молитвы не спасут меня от гнева тети.

Единственной моей надеждой оставалась магия.

Держа нить зажатой между пальцами, я подавила всхлип и разгладила страницу лежавшей на ковре книги. Мой дрожащий палец скользил по строчкам печатного текста, словно по пунктирной линии на карте, что могла указать путь к спасению.

Я ловила каждый малейший звук, страшась услышать в коридоре глухой стук трости тети Леноры. Но пока доносился лишь привычный шум Уимпол-стрит за окном: пересуды светских дам, цокот копыт лошадей, тащивших экипажи по булыжнику — почти с таким же грохотом, с каким стучало мое сердце; выкрики газетчиков, лай соседской белой собачонки, гавкающей на каждого прохожего...

Я перелистывала страницы вспотевшими ладонями, пробегая глазами диаграммы и инструкции: перекрещивающиеся нити, вышивка, обретающая форму, странная геометрия, сулящая ужасную и чудесную силу. На каждой странице таилось новое заклинание, а поля заполнял аккуратный почерк дяди Арти, который оставлял там заметки и предостережения.

Вот оно! Я с торжествующим возгласом хлопнула по странице.

Заклинание для починки разбитой керамики. Идеально. И это была «колыбель для кошки» — самый быстрый вид заклинания в магии прядения. Никаких игл, пялец или ткани не требовалось.

Нужны были лишь ловкие быстрые пальцы, а у меня их как раз десять.

Из коридора донесся скрип.

Я замерла, сердце пропустило удар. От страха в животе сжался тугой холодный комок, а в ушах бешено пульсировало. Пальцы сами потянулись к синякам на руках — позеленевшим, но все еще страшным.

Я уставилась на дверь и заметила узкую щель, которую по неосторожности оставила, когда час назад проскользнула внутрь. Надо было ее закрыть. Мне не верилось, что я допустила такую оплошность.

Но дверь так и оставалась приоткрытой, и больше никаких звуков не доносилось. Все еще оцепеневшая от страха, я вернулась к книге, нитке и разбитому фарфору.

Руки дрожали. Я откусила нужную длину нити, завязала ее петлей и натянула между пальцами.

— Крест-накрест, петля, накинуть, — бормотала я, начиная плести «колыбель для кошки», перебегая взглядом от пальцев до инструкции в книге заклинаний. — Быстрее, быстрее...

Тик-тик-тик. Часы что, ускорили ход? На запястье заняли круглые белые шрамы от старых ожогов, словно предупреждая об опасности. Мне почудилось или в воздухе витает запах трубки тети Леноры?

Я должна была все исправить. И исправлю. Магия могла исправить что угодно.

Магия — вот о чем я думала, когда, отмывая картошку, витала в облаках. Зачарованные «колыбели для кошки» и сплетенные шестиугольники — вот что я рисовала, когда должна была помогать кухарке пересчитывать запасы в кладовой. С тех самых пор, как я нашла в библиотеке дяди Арти ту первую книгу заклинаний — в те короткие, счастливые месяцы перед его смертью, — я не могла перестать о ней думать.

После того как дядю забрала лихорадка, тетя Ленора велела заколотить его кабинет. Но я, непослушная и проворная, прежде успела стащить несколько книг с его полок. Учения по магии были спрятаны по всему дому, и только я знала, где ис-

кать. Эту — «Вестминстерское руководство по прядению» — я спрятала прямо здесь, в библиотеке, у тети Леноры под носом. Это казалось уместным, ведь только здесь, в этом уголке дома, в полдень можно было услышать звон величественных колоколов Вестминстерской школы прядения. Почти каждый день я садилась на это самое место, закрывала глаза и представляла себя одной из учениц, постигающей искусство создания зачарованных гобеленов на огромных станках.

Но именно мечтания и завели меня в эту передрыгу. Мне следовало следить за локтями, а не гнаться за распоясавшимся воображением.

Вскоре я закончила плетение, и оно повисло у меня между руками, словно паутинка. На солнце белые нити отливали золотом. Только вот сплести узор — лишь первая часть заклинания. Придать нитям форму — это одно; любой может орудовать иглой или завязывать узлы. Но лишь пропуская живую энергию сквозь нити, ты наполняешь их магией, и шерсть, лен и хлопок обретают силу. А узоры, что ты плетешь, вышиваешь, вяжешь или наматываешь, превращают эту силу в закливания. По крайней мере, так мне когда-то объяснял дядя Арти.

Медленно выдохнув, я закрыла глаза и отключила все чувства, кроме одного — того странного, сокрытого чувства, что позволяло мне соединиться с живой энергией вокруг. После мгновения безмолвного поиска я ее ощутила: она гудела в лепестках фуксии и листьях аспидистры в гостиной тети Леноры; пульсировала в плюще, что цеплялся за внешнюю стену дома; струилась в прожилках шпината и капусты, сложенных на кухне двумя этажами ниже.

На мое прикосновение энергия откликнулась, потянувшись ко мне яркими усиками, словно любопытный котенок, которого выманивают из-под шкафа. Я осторожно вобрала ее в себя и, словно шерсть на веретено, намотала на свое бешено колотящееся сердце. «Сердце — ключ, — говорилось

в «Книге Мойр», которую я прятала под половицей в кладовой. — *Именно этот орган позволяет прядильщику вбирать энергию, превращать ее в магию и направлять в нить через кончики пальцев.*

Все мое тело покалывало, волосы на руках встали дыбом. Магия потрескивала в костях и искрилась на языке. На вкус она была как лед: колючая и свежая, пробуждающая каждый уголок сознания. Ощущение немного напоминало тот раз, когда я глотнула краденого бренди у кухарки и меня словно молнией поразило.

Никогда я не чувствовала себя более живой, более яркой, более могущественной, чем когда творила магию. Как бы я хотела чувствовать себя так всегда. Тогда тетя Ленора не посмела бы и пальцем меня тронуть. Я бы ей не позволила.

Но я не могла удерживать энергию в себе, иначе разорвалась бы, как уголек, трескающийся в пламени.

Я позволила ей вытекать из кончиков пальцев в натянутое между ними плетение. Нить засветилась золотом, озарив всю библиотеку. От кресел, дивана и деревянного глобуса на подставке взметнулись пугающие тени. Мое заклинание светилось так ярко, что на него почти невозможно было смотреть.

Возможно, Мойры меня услышали, потому что все получилось. Осколки заскользили по ковру, складывая свои зазубренные края, словно пазл, умело собирающий сам себя.

Едва из меня вырвался вздох облегчения, как переплетенные нити обратились в пепел. Я осторожно смела его в сигарную коробку, припасенную специально для этой цели; позже я непременно вытряхну пепел в камин.

Но внезапный удар двери библиотеки заставил меня вздрогнуть, коробка выпала из рук и врезалась в кучу все еще шевелящихся осколков. Из-за этого заклинание разрушилось, и обломки снова рассыпались по ковру, теперь вперемешку с пеплом.

— Тетя! — воскликнула я.

На пороге стояла тетя Ленора с длинной трубкой в пальцах, сумочкой на запястье и взглядом, напоминающим кремль. Платье на ней было черным, как и вся одежда, которую она носила со смерти дяди Арти два года назад.

Наши взгляды встретились, и мои кости обратились в лед. Она возвышалась надо мной, как оживший кошмар. Даже для взрослой она была очень высокой.

— Ты крыса, — прошипела она.

Я вскочила на ноги и рванулась за диван. Ужас сдавил легкие, мешая дышать.

— Это что, ваза моей матери? — произнесла тетя Ленора, медленно приближаясь.

Бежать мне было некуда, ведь она преградила путь к двери.

— И это что, одна из книг заклинаний моего покойного мужа? К которым я *строжайше* запретила тебе прикасаться?

— Я... я могу все объяснить! Это была случайность!

— Ничему не научилась в прошлый раз, да?

Тетя Ленора размахивала трубкой. К курению она прирастилась после смерти дяди Арти, и теперь я редко видела ее без одной из этих мерзких дымящих штук. Дым щипал глаза и заставлял кашлять.

— Магия не для таких, как ты, девочка. Твоя душа слишком порочная. Твое сердце слишком гнилое.

— Неправда! — выкрикнула я. — Я хочу магии. Я имею на нее право, как и все!

Катушка ниток все еще была зажата в моей руке. Я поспешно отмотала немного.

— Нет, не имеешь! — прошипела тетя Ленора.

Она ударила меня трубкой, и раскаленная чашечка обожгла нежную кожу на горле. Шею охватила боль, и я начала задыхаться от горького запаха табака и горелой плоти. Закричав, отпрянула в сторону и врезалась в книжную полку, отчего книги с грохотом посыпались на пол. Пошатываясь, я пыталась разглядеть дверь сквозь мелькающие в глазах искры.

— Маленькая убийца! — Тетя Ленора пнула меня, и я с плачем рухнула на пол, свернувшись калачиком. Теперь-то уж весь дом наверняка нас услышал; слуги замерли за работой с широко раскрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Но никто не придет мне на помощь. Они видели, что бывает с теми, кто пытается.

— Ты заслуживаешь куда худшего, — сказала тетя Ленора, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Ты отняла у меня любовь всей моей жизни!

— Я тоже любила дядю Арти, — всхлипнула я.

— Потаскушка! Как ты смеешь произносить его имя?

Она снова замахнулась трубкой, на этот раз целясь мне в щеку, но я оказалась быстрее. Я вскочила на ноги и бросилась к двери, а в руках у меня уже было плетение, которое мне наконец удалось закончить.

Направляя энергию в нить, я выскочила из библиотеки, развернулась и захлопнула дверь ногой. Заколдованный узел в моих руках вспыхнул ослепительно-белым, и дверь полностью исчезла.

Это было всего лишь заклинание иллюзии. Через несколько минут тетя Ленора нащупает дверную ручку и выберется; я должна была использовать то небольшое время, что у меня оставалось.

Соппротивление всегда делало ее вдвое злее, а использовать против нее магию я никогда прежде не решалась. Не хотелось даже думать, какими будут последствия такой дерзости.

Прихрамывая, я побежала по темному коридору, ловя ртом воздух. Резкие пинки пришлись на синяки от прошлого наказания, и теперь они горели с новой силой. Мне приходилось останавливаться через каждые несколько шагов, чтобы всхлипнуть и собраться с силами. Ожог на шее пылал.

Удары в дверь библиотеки звучали как стук ожившего мертвеца, пытающегося вырваться из гроба. Сколько времени пройдет, прежде чем тетя Ленора найдет ручку?